

4) однозначности — качество выполнения теста учащимися должно оцениваться различными экспертами (педагогами), для этого должен быть создан эталон теста, в котором содержатся существенные операции, отражающие цель проверки;

5) надежности — обеспечивает получение одних и тех же результатов при тестировании для каждого респондента неоднократно в схожих условиях.

6) Учёт выше приведенных данных может помочь как педагогам, так учащимся и их родителям сформировать более объективную точку зрения на тесты достижения как инструмента для объективной оценки качества образования.

Литература

1. Ридли М. Геном.— М.: Эксмо, 2008. С.120.
2. Аванесов В. Единый государственный экзамен в фокусе научного исследования // Педагогические Измерения. № 1, 2006.
3. Баккер С. Экспертное заключение // Оценка образовательных достижений в рамках национальных экзаменов: материалы и тезисы докладов Межд. конф. 13-15 декабря 2004. С.258. М.: Изд-во «Уникум-центр», 2005. 279 с.
4. Педагогика: Большая современная энциклопедия / Рапацевич Е.С. Минск: «Соврем. слово», 2005. С. 585.
5. Бурлачук Л.Ф. Психодиагностика: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2007. 352 с.
6. Ахметова Г.К., Пфейфер Н.Э., Бурдина Е.И., Азбука для начинающего исследователя: методическое пособие. Павлодар: Павлодарский государственный университет им. С. Торайгырова, 2003. С.8.
7. В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989.192 с.
8. За и против ЕНТ // «Экспресс — К». № 336(16722) от 23.05.2009.

С. Н. Некрасов, г. Екатеринбург

СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ И ГЛОБАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В ВОСПИТАНИИ ЛИЧНОСТИ: НЕОБХОДИМОСТЬ ТРАДИЦИЙ ПРОСВЕЩЕНИЯ И ПРАВОСЛАВИЯ

Западная наука нашего времени как специфическая гуманитарная технология постиндустриального общества не пригодна для понимания и жизни в становящихся и живых евразийских социумах. В этих социумах на первый план выходят нетехнологические системы воспитания личности — научные и образовательные, реализуемые в сфере просвещения и в культурном поле православия.

Рыночная рациональность выступает в качестве одной из множества возможных интерпретаций мотивов поведения индивидов. И когда руководящие чиновники российского министерства образования пытаются представить всю систему образования как «рыночную услугу», они строят в нашей стране чисто западный образ человека как Homo Economicus. В этом образе человека нет места воспитанию — предлагаются только репрессии и утешение формально свободной личности. В предлагаемой нашему народу такой модели поведения человека, поступающего в ВУЗ на основе баллов и тестов ЕГЭ, вступают в работу целый

сонм формальных и неформальных правил поведения, контрактные соглашения, традиции, которые невозможно свести к индивидуальной рациональности и стратегиям оптимизации. В результате возникает проблема трансляции интерпретаций рациональности одного типа в другой (классический пример из нашей новейшей истории — повседневное столкновение рациональности «организационного» советского человека и «экономического» западного человека). Данная ситуация отражает взаимоотношение между так называемыми «мирами» в современном глобальном мире. Всего выделяется семь таких «миров» или институциональных подсистем: Рыночный мир, Индустриальный мир, Традиционный мир, Гражданский мир, Мир общественного мнения, Экологический мир, Мир вдохновения и творческой деятельности. Каждый из миров может быть классифицирован: по особому источнику информации. В евразийской цивилизации эти миры перемешаны, причем лидирует не рыночные ценности.

Для рыночного мира ценности — это цены, для индустриального мира — технические и технологические стандарты, для традиционного мира — традиции, верования, мифы, обычаи, для гражданского — формализованные правила поведения, законы, для мира общественного мнения — политическая реклама, слухи, для экологического мира — информация о состоянии окружающей среды, и, наконец, для мира вдохновения и творческой деятельности — талант, озарение. Миры различаются и по предметному признаку (основному предмету), по доминирующей норме поведения: для рыночного мира — это максимизация полезности индивидом, для индустриального мира — обеспечение непрерывности процесса производства, для традиционного мира — непрерывное воспроизводство традиций, для гражданского мира — подчинение индивидуальных интересов коллективным, для мира общественного мнения — это достижение известности, для экологического мира — подчинение взаимодействий между людьми требованиям экологии, для мира вдохновения и творческой деятельности — достижение неповторимого результата.

Наконец, институциональные подсистемы подразделяются по предметному признаку: для рыночного мира основной предмет (в материальном смысле) социального взаимодействия — товары и деньги, для индустриального — инфраструктура, для традиционного — предметы культа, для гражданского — общественные блага, для мира общественного мнения — предметы престижа, для экологического мира — объекты природы, для мира вдохновения и творчества — изобретения и инновации [А. Олейник 1999].

Очевидно, что при разработке конкретной гуманитарной технологии воспитания индивидов следует исходить из представления о том, что каждый индивид-объект приложения данной технологии способен или неспособен действовать в рамках нескольких институциональных подсистем, каждая из которых имеет свой язык и правила коммуникации. Поскольку нам в постсоветской России в качестве универсальной гуманитарной технологии последние 20 лет внедряют только одну систему западного рыночного мира, то неудивителен конфликт между ценностными системами в жизни и сознании людей, рассогласование в системе воспитания. Так, современная преподаваемая в ВУЗах наука об обществе, будь то политическая экономия (экономика как дисциплина и «экономикс» как практическое манипулятивное приложение), социология, политическая наука и иные дисциплины возникли как средство понимания реальности в интересах определённых групп и навязывания этого понимания другим группам. Они возникли как единая гуманитарная технология, с помощью которой господствующие группы XIX-XX вв. могли бы объяснять мир и разделяться со всеми остальными точками зрения как потенциально альтернативными. Социальные науки западного образца эпохи Модерна как гуманитарные технологии власти в их англосаксонском виде, закреплённом в мозаичной структуре УМКД третьего поколения, возникали из практических нужд — из необходимости анализа рынка, создания новых институтов, и из потребности объяснить и поставить под контроль негативные процессы. Но эти науки были бессильны в русском евразийском культурном пространстве, которое нуждалось в традиционной просветительской деятельности типа «Общества «Знание»» и в православной культурной традиции работы с широкими народными массами.

Западная наука об обществе с её методами, понятийным аппаратом и «сеткой» дисциплин отражает такой шизофренический тип общества (Ж. Делез), в котором чётко обособлены экономическая (рынок), социальная (гражданское общество) и политическая (политика, государство) сферы. Это, несомненно, индустриальное общество «второй волны» (О. Тоффлер), в котором власть отделена от собственности, религия — от политики. Возникает вопрос: как можно с помощью такой науки — слепка с классического буржуазного общества, — с её дисциплинами, методами и понятиями изучать небуржуазные, некапиталистические (докапиталистические, антикапиталистические, социалистические) социумы? Речь идет в первую очередь о евразийских социумах, где власть не отделилась от собственности, где есть некая целостность. В таких обществах в XX веке развивались собственные науки, и они довольно успешно обеспечивали динамику и конкурентноспособность этих обществ. Так, в Советском Союзе развивались блестяще оправдавшие себя идеологическое конструкции — диалектический и исторический материализм, научный коммунизм и научный атеизм, в Третьем рейхе развивались учения Горбингера и продукция Анненербе, а в начале XXI века в Северной Корее торжествует неконсьюмеристская идеология чучхе, в КНР — технологии маоизма, в Венесуэле — идеи просвещенного боливаризма и боливарианской революции. Все эти технологии носят мессианский характер и имеют глубокое научное укоренение. Западная наука нашего времени как специфическая гуманитарная технология постиндустриального общества не пригодна для понимания и жизни в становящихся и живых евразийских социумах, в которых рынок интегрирован в традиционные структуры производства и обмена, а потому его развитие не требует выделения из них и превращения в капитализм. Между тем официальная наука только из вежливости не использует термин капитализм, но, говоря о рыночной экономике, все же подразумевает капитализм западного типа. Наконец, есть традиционные социумы в Африке и Азии, где религия и политика неразделимы. В этих условиях применение понятий и даже дисциплин, которые суть рациональные рефлексии по поводу буржуазного общества к обществам небуржуазным искажает реальность последних, превращает её в негативный слепок западного общества, записывает их в разряд туземных варварских обществ, пополняющий список держав «оси зла». В научном плане это ведёт к ложным схемам, а с точки зрения практики может привести и приводит к катастрофическим последствиям.

Аналогичным образом обстояло дело с наложением дисциплинарной и понятийной (идеология, мифология, класс, бюрократия) сеток западной науки на советское общество. В результате уже в 1970 гг. прошлого столетия в ходе утраты культурного суверенитета мы получили ряд странных бесперспективных и неспособных к реальному развитию наук-мутантов: «политэкономия социализма», «социология советского общества», «политология советской элиты». С той стороны «железного занавеса» нас изучали не при помощи этих наук, и не в терминах западной академической социологии, но при помощи практических гуманитарных технологий советологии, кремленологии, руморологии. Генералы-победители в войне 1945-1991 гг. как отмечалось на торжественном заседании Конгресса США в 1992 г., были женщины-социологи, советологи и именно они были награждены постами и медалями за победу в этой войне.

Сегодня мы имеем несколько мир-систем на планете — все они обладают собственными гуманитарными технологиями и требуют для понимания в системе русского евразийского сознания обучению переходным программам-трансформерам. В противном случае — в случае непонимания специфики систем можно утратить собственную евразийскую систему ценностей, запустить в нее чужие программные коды под видом новых гуманитарных технологий. В середине 1980 гг. западные политологи говорили о нескольких чертах, характеризующих «современное демократическое общество», и отмечали, что СССР для перехода в состояние «открытого общества» лишь не хватает двух-трёх социальных характеристик. М. Горбачёв по совету продажных и бездарных советников попытался добавить в наш социум эти две — три «характеристики»: «права человека», «демократия», «рыночные реформы». Эти характеристики наложились на закон о кооперации, разрушение системы управления предприятиями, отмену

монополии внешней торговли. И все — результат налицо: гуманитарные технологии были внедрены, превратились в политические, информационные и финансово-экономические и сделали своё дело. Идеи, концепции которых были предварительно внедрены в сознание верхушки — это и есть использование гуманитарной технологии для ослабления и уничтожения противника в борьбе за власть, информацию и ресурсы. Не случайно новый класс, приходящий к власти, всегда создает свою общественную науку как критику предшествовавшей.

Сегодня в мире упадка классического проекта Модерна эпохи Просвещения возникли несколько радикально друг от друга отличающихся социумов — реализованный проект Постмодерна (Запад), реализующийся в арабском мире в духе ориентализма и погружения в регресс западными державами проект Контрмодерна, успешно осуществляющийся региональный Модерн на Дальнем Востоке и Китае. В этом мире столкновения глобальных проектов у России с ее евразийскими союзниками по БРИК и ШОС остается одна возможность — вписаться в один из проектов. Или нам следует реализовать собственный русский Сверхмодерн, подобный рывку совершенному Советской Россией в 30 гг. прошлого столетия. Такой прорыв возможен только на базе адекватного понимания собственного социума и разработки своих гуманитарных технологий.

Если мы хотим понять свой социум, его место в мире, нам нужна наука, методологически и понятийно адекватная нашему социуму, а не вталкивающая его в прокрустово ложе западных или восточных традиционалистских схем. Аналогичным образом нужны «свои» обществоведения, а точнее — социальные системологии для каждой крупной исторической системы. Последних на всю историю человечества и наши дни не так уж много — шесть-семь, в зависимости от угла зрения. Для каждой системы должен быть свой понятийный аппарат, свой набор дисциплин, свой язык. Так, например, как показывает А.А. Зиновьев, социология и политическая наука могут быть лишь элементами науки о буржуазном обществе (буржуазоведение, буржуаология, капиталоведение), которая, в свою очередь, не может быть ничем иным, как элементом оксидентализма — науки о Западе. Известно, что Запад не удовлетворился образом «азиатский способ производства» и создал ориентализм — науку как форму власти-знания о Востоке, но не создал таковой науки о самом себе. Именно поэтому книги Зиновьева о Западе как неангажированный взгляд извне чрезвычайно востребованы на самом Западе, несмотря на все их шокирующие названия — «Глобальный человек», «Западнизм».

Итак, всем нам нужны принципиально новые науки о России, Западе и других социальных системах, а также научная переходная евразийская интегральная гуманитарная дисциплина, делающая универсальными эти науки. Остро стоит перед нами необходимость создать реальную социальную науку, как это делал Запад и как это в свое время сделал К. Маркс в «Капитале» — этой «критике политической экономии» — и использовать её в качестве оружия в борьбе с чужими гуманитарными технологиями. Такое оружие нам и политической элите понадобилось уже в 2012-2013 гг. при сохранении стабильности и устойчивости страны, когда возникла необходимость обретения полноты политического, военного, дипломатического, экономического, культурного суверенитетов России. Гуманитарные технологии станут главными в битвах XXI века за посткапиталистическое будущее. В противном случае нас ждет постчеловеческое общество с истреблением сотен миллионов человек возникающим Четвертым Рейхом — Четвертым Римом. Сегодня заканчивается не только эпоха Просвещения с его универсалистскими гуманистическими ценностями и западными гуманитарными технологиями, уже породившими проект архаичного фашизма, — вместе с эпохой Просвещения исчезает Модерн, капитализм, сам Библейский толпо-элитарный проект, который был средством управления массами людей в течение двух тысяч лет.

Литература

1. Олейник А. Институциональная экономика: учебно-методическое пособие // Вопросы экономики, № 1-12. 1999.